

английского осуществлялись с большим трудом. Из неопубликованных отрывочных черновых набросков и записей Львова явствует, как сильно занимал и волновал его этот вопрос.¹⁴

Видимо, окончательно выведенный из терпения препятствиями, чинившимися ему бюрократами, Львов решил обратиться в высшие инстанции и составил следующую записку, черновик которой приводим:

Императорское амир[алтейство]. 21-е марта 1803. СПб.

Т[айный] с[оветник] Льв[о]в просит, не угодно ли будет прекратить учение земляных строителей, поелику 24 уже губернии отозвались, что достаточно число оных. Равным образом и разработку земляного угля, поелику в принятии оного адмиралтейство великие делает затруднения и не апробует доброту оного, несмотря на опыты, прежде разработки сделанные. Остановка сия повторенная экспедиции большой суммы стоила.¹⁵

Попытки Львова наладить употребление отечественного угля реализовались с большим трудом. В конце концов доставленный им в столицу и нигде не принятый уголь загорелся. До сих пор в историко-литературных работах были известны два свидетельства, касавшихся этого события. Это письмо М. А. Львовой Г. Р. Державину от 20 февраля 1801 года¹⁶ и цитированный нами отрывок из биографии Н. А. Львова. Исследователи XIX века, П. И. Бартенев и Я. К. Грот, знали об этих свидетельствах. Бартенев писал: «Предание сказывает, что под Петербургом этого львовского угля свезено было большое количество, что он загорелся нечаянно и горел в течение с лишком дней.¹⁷ Но ярче всего — если не считать стихотворения Львова — об этом рассказано в письме М. А. Львовой: «...прошлого года он также привез уголь, но его у него нигде не приняли, говоря, что выписали из Англии, хотя угля никакого другого не употребляли. Итак, у него остался уголь на руках; тогда он стал просить, чтоб дали ему место, где бы ему можно было положить уголь безопасно, и тут государь приказал отвести место против Аничковского дворца на Фонтанке; но ему не дали ни тут, ни в другом месте. Пришла между тем осень; барки оставить невыгруженными опасно, чтоб льдом не проломило и не потопило бы угля: принужден он был выгрузить у себя на даче, где загорелась пивоварня, и сгорел весь уголь, об чем весь Петербург знает».¹⁸

Я. К. Грот в комментариях к сочинениям Державина приводил чрезвычайно богатый фактический материал, используя рукописи Львова, бывшие в его распоряжении, но почти совершенно не комментировал это письмо Львовой. Не упомянул он и о стихотворении Львова на эту тему, хотя,

¹⁴ Рукописный отдел ИРЛИ, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2, л. 77; там же, № 3, л. 12. Черновые записи и наброски Львова по этому поводу, кроме указанных, встречаются в «Путевых тетрадях» № 2 (лл. 75 об.—76) и № 3 (л. 14). Кроме того, в делах Державина (из собрания Я. К. Грота) имеется следующий документ: «Примечание о боровицкой угольной карьере» (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 96, оп. 14, № 48, 2 л.). Последний документ (вероятно, писарская копия) имеет прямое отношение к работам Львова, но составлен не им.

¹⁵ ИРЛИ, Рукописный отдел, Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3, л. 18.

¹⁶ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VI, СПб., 1871, стр. 368—369. В дальнейшем цитируется: Державин. Сочинения.

¹⁷ Архив князя Воронцова, кн. 32, М., 1886, стр. 512; также см.: Б. И. Коплан, ук. соч., стр. 704.

¹⁸ Державин. Сочинения, т. VI, стр. 368.